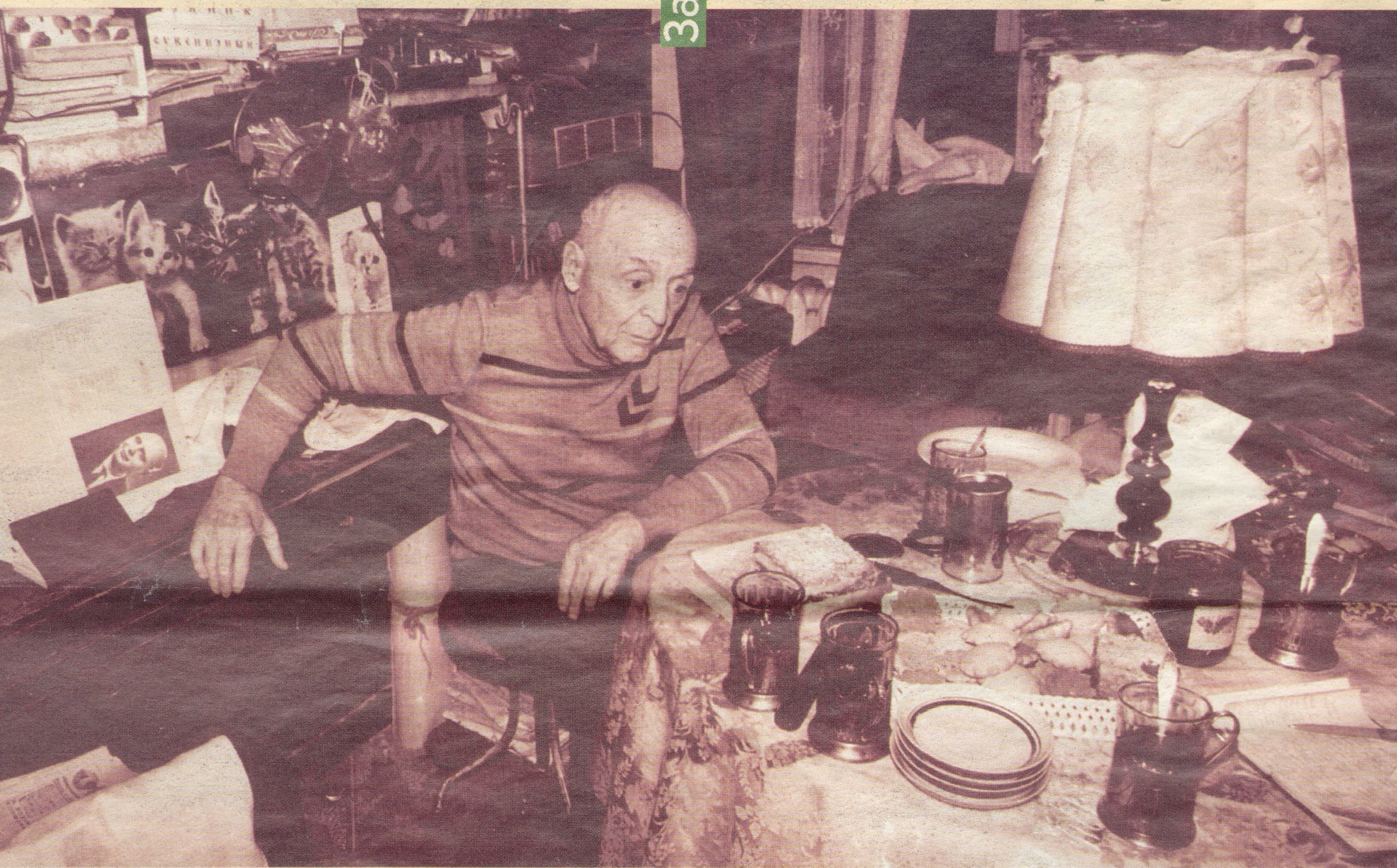

О Вадиме Козине написано много.
Но все — в последние десять лет,
когда «магаданский занавес» поднялся,
когда спектакль, поставленный
«режиссерами» из Кремля,
стал достоянием широкой публики.
Вот тогда о нем стали писать,
словно спохватившись —
успеть бы, пока жив.

Забывтая эстрада

Мастер и Магадан

Фотография Сергея Бурасовского

В тридцатых по количеству выпущенных пластинок Вадим Козин шел впереди Лемешева, Козловского, Утесова. Залы на его концертах были переполнены, успех — прочный и стабильный, и репертуар для того времени необычайно широк: Козин пел песни собственного сочинения, старинные, цыганские романсы и песни, ведь он наполовину цыган (внучатый племянник знаменитой Вари Паниной). Огромная популярность не кружила голову артисту, а заставляла всегда что-то искать, чтоб не снизить накала, чтобы не быть заурядным интерпретатором чужого. Козин любил петь, он пел везде: на концертах в Кремле и в более узком кругу, когда «вожди» жевали осетрину. После изрядной дозы спиртного за рояль садился один из хозяев, мало-мальски музыкально образованный, и осмеливался аккомпанировать Козину. Находились и

другие, которые пытались сравнить свой голосочек с его, козинским. Спустя годы эти меломаны и стали «режиссерами» магаданского спектакля.

О Козине ходили легенды. Одна из них — что был любимцем Сталина, другая — что по просьбе Черчилля его пригласили выступить в 43-м в Тегеране перед участниками знаменитой конференции. В те дни отмечались именины Черчилля. На торжество приехали Марлен Дитрих, Морис Шевалье, Иза Кремер. И по личной просьбе английского премьера — Вадим Козин, за которым был отправлен в Москву спецсамолет. Меньше суток длились иранские приключения артиста, но поклонники Козина считают, что это явилось причиной его ареста.

После Тегерана Козин исчез. Все было, как в те времена: арест, допросы, суд,

Одна из последних фотографий. 1994 г.

ссылка. Могли и без суда, но тогда — расстрел. Козину повезло, ему дали срок — 8 лет. А место отбывания было определено самое популярное — Колыма. И вновь легенды одна нелепее другой. Теперь говорили, что во время войны по просьбе польского генерала Козин выступал перед солдатами польского военного корпуса и один из музыкантов ансамбля Козина донес эту историю до «нужных» людей. Певца обвинили в сговоре с поляками и попытке бегства из России. Бытовала и другая версия: якобы роковым для певца стало увлечение Мариной Расковой. Козин, сам того не зная, оказался соперником Берии. А еще судачили, что упекли певца за «голубые дела» (думаю, сегодня это словосочетание расшифровывать не надо). Но вот эту пикантную подробность из биографии

Козина даже самые заядлые сплетники никогда не обсуждали публично. Сегодня же, после кончины Козина, сию деликатную тему озвучил перед миллионной телевизионной аудиторией под напором атакующих «акул пера» Иосиф Кобзон.

...Настоящим зеком Козин был недолго, всего несколько дней. Все же он был Козиним, его поклонники нашлись и здесь (из числа власть имущих), и хотя участь его была решена в Москве, здесь, на Колыме, в Магадане, она была облегчена. Он жил не в лагере, а в своей комнатке, работал в музыкально-драматическом театре, общался с артистами, писателями, режиссерами, так же как и он брошенными Лубянкой на «магаданский ветерок», а потом начал выступать с концертами. И все же жил затворником...

Но за закрытыми наглухо дверями он вернулся к тому, к чему его тянуло в той, уже полузабытой жизни — он начал писать песни. Покая не давали его бывшие «Осень», «Забытое танго», «Дружба». Стихи он находил сам, обладая безупречным вкусом по части поэзии. Симонов, Евтушенко, Шефнер, Ахмадулина, Браун, Досталь, Асадов, Дементьев — имена говорят сами за себя. Со временем появился и «особый» цикл — мага-

Два мастера, две эпохи

данский. Песни, посвященные городу, давшему ему приют, заботу, сердечное тепло, к которому он стал относиться с большой любовью. Вот такой этот холодный, промозглый Магадан. В Магадане Козин написал около 300 песен.

Годы не щадили и его. Маленький, некогда элегантный, обаятельный человек постепенно становился полноватым и облысевшим, а затем превратился в хуленького старичка с беспокойными цветшими, некогда карими глазами. Вот

Он не стал почетным жителем города, в котором прожил 50 лет.

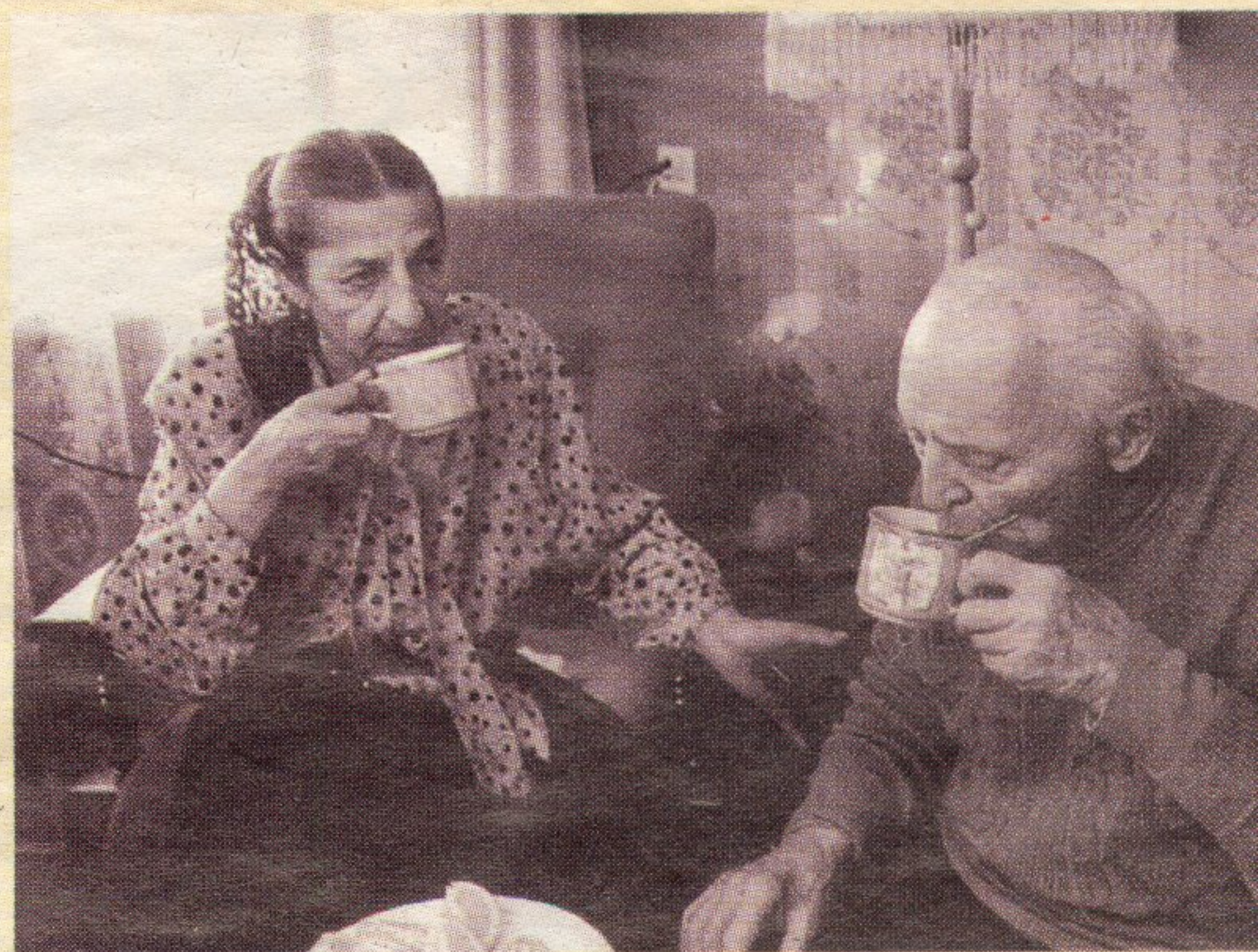
Он не получил и звания «народного артиста». Не пристало бывшему зеку быть «народным». Да и зачем эти титулы ему, трагическому голосу трагической эпохи?

они-то, глаза его, и выражали жгучий интерес к жизни, который мог уходить с годами, но не уходил, а, наоборот, становился все живее и «всеяднее». Глаза словно сверлили собеседника, пытались побыстрее добраться до его сути. Он уже жил в небольшой однокомнатной квартирке, среди пыльных стеллажей, уставленных книгами, тетрадками и папками с вырезками из газет. Бывшему кумиру не нужны были просторные хоромы, остаток его жизни прошел здесь. А за окнами, выходящими во двор, спрятавшаяся за домами неподалеку от главной магистрали Магадана — улица Ленина. Не в нее ли упирается проклятый Богом Колымский тракт?

Когда Козину разрешили принимать «иногородних» гостей, к нему хлынул их поток. Артисты, поэты, композиторы, журналисты, просто заезжие с цветами толпились днями и вечерами в его квартирке, ставшей магаданской достопримечательностью, музеем. Непременно надо было посетить. К тому же это честь — посидеть рядом с Козиним, сфотографироваться на память, получить автограф, выпить рюмку водки и закусить: старик был хлебосольным, хотя жилось ему не так уж и легко, он перестал выступать с концертами, оставалась только пенсия...

Ему предлагали поехать в Москву отметить восьмидесятипятiletний юбилей, Изабелла Юрьева даже пригласила остановиться у нее. Он отказался наотрез — нет, ему теперь не нужны ни Москва, ни Ленинград. Только Магадан. Здесь его живым похоронили, здесь он и будет похоронен. Магадан для него стал «лучшим городом земли», несмотря на то что стоит он на костях. Общее горе сближает...

Козин устроил в своей квартире доморощенную студию звукозаписи — магнитофон, прикрепленный к пианино кулачок-микрофон. Здесь он репетировал, приглашая иной раз музыкантов для аккомпанеента, потом — запись, дубль, еще дубль — ох, как придиричив был старик Козин! Хотя все это для себя, его «Мелодия» брака не допускала.

Вадим Козин с двоюродной сестрой Верой Придворовой

Козин прожил в Магадане ровно пятьдесят лет. Почетным жителем города местные власти его так и не сделали. Он не получил и звание «народного», несмотря на просьбы очень высоких лиц от искусства. Бывшему осужденному не пристало быть «народным». Так посчитали те, кто раздавал в свое время звания направо и налево. Запрещено... И все же не запрещалось ходить по магаданским улицам, писать песни. Он не писал их только в последние годы, когда стал слишком стар и слаб, когда перестал обращать внимание на то, что ест, во что одет, — помните, в одной из останкинских телепрограмм стоит он перед камерой в ушанке с болтающимися тесемками, стоит пританцовывая, бормоча что-то беззубым ртом. Больной? Выживший из ума? Да нет. Давно поставивший на себе крест. А может, это был вызов бывшим обидчикам. Тяжело было смотреть на него. Камера все сверлила, все «раздевала» Козина, будто демонстрировала его угасание.

...Одна из песен «позднего» Козина называется «Рано или поздно». «Рано или поздно придется умереть, но лучше все-таки, если бы попозже». Он умер на 93-м году жизни. Одна из статей, посвященных его памяти, называлась «Трагический тенор эпохи». Правильно, конечно, но все же трагической в первую очередь была эпоха, а не тенор. Эпоха, о которую разбилось столько надежд. Они умирали последними. Но все-таки — умирали...

Анисим ГИММЕРВЕРТ